

Шодерло де Лакло

Опасные связи

Перевод с французского
Надежды Рыковой

ФТМ

Шодерло Лакло

Опасные связи

«ФТМ»

1782

Лакло Ш. д.

Опасные связи / Ш. д. Лакло — «ФТМ», 1782

ISBN 978-5-4467-3024-7

Роман в письмах «Опасные связи» единственный эпистолярный роман французского генерала Шодерло де Лакло (1741–1803) признан лучшим романом XVIII века и по воспоминаниям автора основан на реальных событиях. Роман создаёт яркий образ французского аристократического общества накануне Великой французской революции. Великосветская аристократия в угоду собственной прихоти с легкостью приносит в жертву судьбы, не задумываясь, что игра оплачивается человеческой жизнью.

ISBN 978-5-4467-3024-7

© Лакло Ш. д., 1782

© ФТМ, 1782

Содержание

Предупреждение издателя	5
Предисловие редактора	6
Письмо 1	9
Письмо 2	11
Письмо 3	13
Письмо 4	14
Письмо 5	16
Письмо 6	18
Письмо 7	20
Письмо 8	21
Письмо 9	22
Письмо 10	24
Письмо 11	27
Письмо 12	29
Письмо 13	30
Письмо 14	31
Письмо 15	32
Письмо 16	33
Письмо 17	34
Письмо 18	35
Письмо 19	37
Письмо 20	38
Письмо 21	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Шодерло де Лакло

Опасные связи

Предуведомление издателя

Считаем своим долгом предупредить Читателей, что, несмотря на заглавие этой Книги и на то, что говорит о ней в своем предисловии Редактор, мы не можем ручаться за подлинность этого собрания писем и даже имеем весьма веские основания полагать, что это всего-навсего Роман. Сдается нам также, что Автор, хотя он, казалось бы, стремится к правдоподобию, сам нарушает его, и притом весьма неуклюжим образом, из-за времени, к которому он приурочил изложенные им события. И впрямь, многим из выведенных у него действующих лиц свойственны нравы настолько дурные, что просто невозможно предположить, чтобы они были нашими современниками, жили в век торжества философии, когда распространяющееся повсюду просвещение сделало, как известно, всех мужчин столь благородными, а всех женщин столь скромными и благонравными.

Мнение наше, следовательно, таково, что ежели события, описанные в этом Сочинении, и являются в какой-то мере истинными, они могли произойти лишь в каких-то иных местах или в иные времена, и мы строго порицаем Автора, который, видимо, поддался соблазну как можно больше заинтересовать Читателя, приблизившись к своему времени и к своей стране, и потому осмелился изобразить в наших обличьях и среди нашего быта нравы, нам до такой степени чуждые.

Во всяком случае, мы хотели бы, насколько возможно, оградить слишком доверчивого Читателя от каких-либо недоумений по этому поводу и потому подкрепляем свою точку зрения соображением, которое высказываем тем смелее, что оно кажется нам совершенно бесспорным и неопровержимым: несомненно, одни и те же причины должны приводить к одним и тем же следствиям, а между тем в наши дни мы что-то не видим девиц, которые, обладая доходом в шестьдесят тысяч ливров, уходили бы в монастырь, а также президентш, которые, будучи юными и привлекательными, умирали бы от горя.

Предисловие редактора

Это Сочинение, или, вернее, это Собрание писем, Читатели, возможно, найдут слишком обширным, а между тем оно содержит лишь незначительную часть той переписки, из которой оно нами извлечено. Лица, которым она досталась, пожелали опубликовать ее и поручили мне подготовить письма к изданию, я же в качестве вознаграждения за свой труд попросил лишь разрешения изъять все то, что представлялось мне излишним, и постарался сохранить только письма, показавшиеся мне совершенно необходимыми либо для понимания событий, либо для развития характеров. Если к этой несложной работе прибавить размещение избранных мною писем в определенном порядке – а порядок этот был почти всегда хронологический – и еще составление немногих кратких примечаний, большей частью касающихся источников тех или иных цитат или обоснования допущенных мною сокращений, то к этому и сведется все мое участие в данном Сочинении. Никаких иных обязанностей я на себя не принимал.¹

Предлагал я сделать ряд более существенных изменений, позаботиться о чистоте языка и стиля, далеко не всегда безупречных. Добивался также права сократить некоторые чересчур длинные письма – среди них есть и такие, где говорится без всякой связи и почти без перехода о вещах, никак друг с другом не вяжущихся. Этой работы, согласия на которую я не получил, было бы, разумеется, недостаточно, чтобы придать Произведению подлинную ценность, но она, во всяком случае, избавила бы Книгу от некоторых недостатков.

Мне возразили, что желательно было обнаружить самые письма, а не какое-то Произведение, по ним составленное, и что, если бы восемь или десять человек, принимавших участие в данной переписке, изъяснялись одинаково чистым языком, это противоречило бы и правдоподобию и истине. Я, со своей стороны, заметил, что до этого весьма далеко и что, напротив, ни один автор данных писем не избегает грубых, напрашивающихся на критику ошибок, но на это мне отвечали, что всякий рассудительный Читатель и не может не ждать ошибок в собрании писем частных лиц, если даже среди опубликованных доныне писем различных весьма уважаемых авторов, в том числе и некоторых академиков, нет ни одного вполне безупречного по языку. Доводы эти меня не убедили, – я полагал, как и сейчас еще полагаю, что приводить их гораздо легче, чем с ними соглашаться. Но здесь я не был хозяином и потому подчинился, оставив за собою право протестовать и заявить, что держусь противоположного мнения. Сейчас я это и делаю.

Что же касается возможных достоинств данного Произведения, то, пожалуй, по этому вопросу мне высказываться не следует, ибо мое мнение не должно и не может иметь влияния на кого бы то ни было. Впрочем, те, кто, приступая к чтению, любят знать хотя бы приблизительно, на что им рассчитывать, те, повторяю, пусть читают мое предисловие дальше. Всем прочим лучше сразу же перейти к самому Произведению: им вполне достаточно и того, что я пока сказал.

Должен прежде всего добавить, что, если – охотно в этом признаюсь – у меня имелось желание опубликовать данные письма, я все же весьма далек от каких-либо надежд на успех. И да не примут этого искреннего моего признания за наигранную скромность Автора. Ибо заявляю столь же искренне, что, если бы это Собрание писем не было, на мой взгляд, достойным предстать перед читающей Публикой, я бы не стал им заниматься. Попытаемся разъяснить это кажущееся противоречие.

¹ Должен также предупредить, что я исключил или изменил имена всех лиц, о которых идет речь в этих письмах, и что ежели среди имен, мною придуманных, найдутся принадлежащие кому-либо, то это следует считать моей невольной ошибкой и не делать из нее никаких выводов.

Ценность того или иного Произведения заключается в его полезности, или же в доставляемом им удовольствии, или же и в том и в другом вместе, если уж таковы его свойства. Но успех отнюдь не всегда служит показателем достоинства, он часто зависит более от выбора сюжета, чем от его изложения, более от совокупности предметов, о которых идет речь в Произведении, чем от того, как именно они представлены. Между тем в данное Собрание, как это явствует из заглавия, входят письма целого круга лиц, и в нем царит такое разнообразие интересов, которое ослабляет интерес Читателя. К тому же почти все выражаемые в нем чувства лживы или притворны и потому способны вызвать в Читателе лишь любопытство, а оно всегда слабее, чем интерес, вызванный подлинным чувством, а главное, в гораздо меньшей степени побуждает к снисходительной оценке и весьма чутко улавливает всякие мелкие ошибки, досадно мешающие чтению.

Недостатки эти отчасти, быть может, искупаются одним достоинством, свойственным самой сущности данного Произведения, а именно, разнообразием стилей – качеством, которого Писателю редко случается достигнуть, но которое здесь возникает как бы само собой и, во всяком случае, спасает от скуки однообразие. Кое-кто, пожалуй, оценит и довольно большое количество наблюдений, рассеянных в этих письмах, наблюдений, либо совсем новых, либо малоизвестных. Вот, полагаю, и все удовольствие, какое от них можно получить, даже судя о них с величайшей снисходительностью.

Польза этого Произведения будет, может быть, оспариваться еще больше, однако, мне кажется, установить ее значительно легче. Во всяком случае, на мой взгляд, разоблачить способы, которыми бесчестные люди портят порядочных, значит оказать большую услугу добрым нравам. В Сочинении этом можно будет найти также доказательство и пример двух весьма важных истин, которые находятся, можно сказать, в полном забвении, если исходить из того, как редко осуществляются они в нашей жизни. Первая истина состоит в том, что каждая женщина, соглашающаяся вести знакомство с безнравственным мужчиной, становится его жертвой. Вторая – в том, что каждая мать, допускающая, чтобы дочь ее оказывала какой-либо другой женщине больше доверия, чем ей самой, поступает в лучшем случае неосторожно. Молодые люди обоего пола могут также узнать из этой Книги, что дружба, которую, по-видимому, так легко дарят им люди дурных нравов, всегда является лишь опасной западней, роковой и для добродетели их, и для счастья. Однако все хорошее так часто употребляется во зло, что, не только не рекомендуя молодежи чтение настоящей Переписки, я считаю весьма существенным держать подобные Произведения подальше от нее. Время, когда эта именно книга может уже не быть опасной, а, наоборот, приносить пользу, очень хорошо определила некая достойная мать, выказав не простую рассудительность, но подлинный ум. «Я считала бы, – сказала она мне, ознакомившись с этой рукописью, – что окажу настоящую услугу своей дочери, если дам ей ее прочесть в день ее замужества». Если все матери семейств станут так думать, я буду вечно радоваться, что опубликовал ее.

Но, даже исходя из столь лестного предположения, мне все же кажется, что это Собрание писем понравится немногим. Мужчинам и женщинам развращенным выгодно будет опорочить Произведение, могущее им повредить. А так как у них вполне достаточно ловкости, они, возможно, привлекут на свою сторону ригористов, возмущенных картиной дурных нравов, которая здесь изображена.

У так называемых вольнодумцев не вызовет никакого сочувствия набожная женщина, которую именно из-за ее благочестия они будут считать жалкой бабенкой, люди же набожные вознегодуют на то, что добродетель не устояла и религиозное чувство не оказалось достаточно сильным.

С другой стороны, людям с тонким вкусом покажется противным слишком простой и неправильный стиль многих писем, а средний читатель, убежденный, что все напечатанное

есть плод писательского труда, усмотрит в иных письмах вымученную манеру Автора, выглядывающего из-за спины героев, которые, казалось бы, говорят от своего имени.

Наконец, может быть высказано и довольно единодушное мнение, что все хорошо на своем месте и что если чрезмерно изысканный стиль писателей действительно лишает естественного изящества письма частных людей, то небрежности, которые зачастую допускаются в последних, становятся настоящими ошибками и делают их неудобочитаемыми, когда они появляются в печати.

От всего сердца признаю, что, быть может, все эти упреки вполне обоснованны. Думаю также, что смог бы на них возразить, не выходя даже за допустимые для Предисловия рамки. Но для того, чтобы необходимо было отвечать решительно на все, нужно, чтобы само Произведение не способно было ответить решительно ни на что, а если бы я так считал, то уничтожил бы и Предисловие и Книгу.

Письмо 1

От Сесили Воланж к Софи Карне в монастырь ***ских урсулинок

Ты видишь, милая моя подружка, что слово свое я держу и что чепчики да помпоны не отнимают всего моего времени: для тебя его у меня всегда хватит. А между тем за один этот день я видела больше всяких нарядов, чем за четыре года, проведенные нами вместе. И думаю, что при первом же моем посещении гордая Танвиль,² которую я непременно попрошу выйти ко мне, почувствует больше досады, чем надеялась причинить нам каждый раз, когда навещала нас *in fiocchi*.³ Мама обо всем со мной советовалась: она гораздо меньше, чем прежде, обращается со мной, как с пансионеркой.⁴ У меня есть своя горничная; в моем распоряжении отдельная комната и кабинет, я пишу тебе за прелестным секретером, и мне вручили ключ от него, так что я могу запирасть туда все, что захочу. Мама сказала мне, что я буду видеться с нею ежедневно в то время, когда она встает с постели, что к обеду мне достаточно быть тщательно причесанной, так как мы всегда будем одни, и что тогда она будет сообщать мне, какие часы после обеда я должна буду проводить с ней. Все остальное время в полном моем распоряжении. У меня есть моя арфа, рисование и книги, как в монастыре, с той только разницей, что здесь нет матери Перпетуи, чтобы меня бранить, и что стоит мне захотеть – я могу предаваться полному безделью. Но так как со мной нет моей Софи, чтобы болтать и смеяться, то я уж предпочитаю быть чем-нибудь занятой.

Сейчас еще нет пяти часов. К маме мне надо в семь – времени достаточно, было бы только что рассказывать! Но со мной еще ни о чем не заговаривали, и не будь всех приготовлений, которые делаются на моих глазах, и множества модисток, являющихся к нам ради меня, я думала бы, что вовсе и не собираются выдавать меня замуж и что это просто очередная выдумка нашей доброй Жозефины.⁵ Однако мама часто говорила мне, что благородная девица должна оставаться в монастыре до замужества, и раз уж она взяла меня оттуда, Жозефина как будто права.

У подъезда только что остановилась карета, и мама велела передать мне, чтобы я тотчас же шла к ней. А что, если это он? Я не одета, рука у меня дрожит, сердце колотится. Я спросила горничную, знает ли она, кто у мамы. «Да это же господин К***», – ответила она и засмеялась. Ах, кажется, это он! Я скоро вернусь и сообщу тебе, что произошло. Вот, во всяком случае, его имя. Нельзя заставлять себя ждать. Прощай, на одну минутку.

Как ты станешь смеяться над бедняжкой Сесилью! О, как мне было стыдно! Но и ты попала бы так же, как я. Когда я вошла к маме, рядом с ней стоял какой-то господин в черном. Я поклонилась ему, как умела лучше, и застыла на месте. Можешь себе представить, как я его разглядывала! «Сударыня, – сказал он маме, Ответив на мой поклон, – какая прелестная у вас барышня, и я больше чем когда-либо ценю вашу доброту». При этих словах, столь недвусмысленных, я задрожала так, что едва удержалась на ногах, и тут же опустилась в первое

² Воспитанница того же монастыря.

³ *In fiocchi* (итал.) – в парадном туалете.

⁴ *Пансионерка*. – При отсутствии светской школы для детей дворян сыновья их обычно получали образование в иезуитских коллежах или же дома, тогда как дочери отдавались на воспитание и обучение в женские монастыри, где и находились в течение ряда лет на полном содержании (на средства родителей – откуда и термин «пансион»). Это не налагало никаких монашеских обязанностей; однако девушке из дворянской семьи, которую из-за отсутствия приданого или по каким-либо порочащим причинам родные не могли или не хотели выдать замуж (и которая тем самым лишалась средств к существованию), обычно не оставалось иного выхода, как пострижение в монахини, нередко в том же монастыре, где она и воспитывалась.

⁵ Привратница монастыря.

попавшееся кресло, вся красная и ужасно смущенная. Не успела я сесть – смотрю, человек этот у моих ног. Тут уж твоя несчастная Сесиль совсем потеряла голову. Я, как мама говорит, просто ошалела: вскочила с места, да как закричу... ну совсем, как тогда, в ту страшную грозу. Мама расхохоталась и говорит мне: «Что с вами? Сядьте и дайте этому господину снять мерку с вашей ноги». И правда, милая моя, господин-то оказался башмачником! Не могу и передать тебе, какой меня охватил стыд; к счастью, кроме мамы, никого не было. Думаю, что, когда я выйду замуж, то пользоваться услугами этого башмачника не стану. Согласись, что мы необыкновенно искусно разбираемся в людях. Прощай, уже скоро шесть, и горничная говорит, что пора одеваться. Прощай, дорогая Софи, я люблю тебя так, словно еще нахожусь в монастыре.

P.S. Не знаю, с кем переслать письмо; подожду уж прихода Жозефины.

Париж, 3 августа 17...

Письмо 2

От маркизы де Мартей к виконту де Вальмону в замок ***

Возвращайтесь, любезный виконт, возвращайтесь. Что вы делаете и что вам вообще делать у старой тетки, уже завещавшей вам все свое состояние? Уезжайте от нее немедленно; вы мне нужны. Мне пришла в голову замечательная мысль, и я хочу поручить вам ее осуществление. Этих немногих слов должно быть вполне достаточно, и вы, бесконечно польщенный моим выбором, должны были бы уже лететь ко мне, чтобы коленопреклоненно выслушивать мои приказания. Но вы злоупотребляете моей благосклонностью даже теперь, когда она вам уже не нужна. Мне же остается выбирать между постоянным ожесточением против вас и беспредельной снисходительностью, и, на ваше счастье, доброта моя побеждает. Поэтому я хочу раскрыть вам свой план, но поклянитесь мне, что, как верный мой рыцарь, не будете затевать никаких других походов, пока не доведете до конца этого. Оно достойно героя: вы послужите любви и мести. Это будет лишнее *шалопайство*,⁶ которое вы внесете в свои мемуары: да, в свои мемуары, ибо я желаю, чтобы они были в один прекрасный день напечатаны, и даже готова сама написать их. Но довольно об этом – вернемся к тому, что меня сейчас занимает.

Госпожа де Воланж выдает свою дочь замуж; пока это еще тайна, но мне она ее вчера сообщила. И как вы думаете, кого она наметила себе в зятя? Графа де Жеркура. Кто бы мог предположить, что я стану кузиной Жеркура? Я просто вне себя от бешенства... И вы еще не догадываетесь? Этаким тяжелодум! Неужто вы простили ему интендантшу? А у меня-то разве не больше причин пенять на него, чудовище вы этакое!⁷ Но я готова успокоиться – надежда на мщение умиротворяет мою душу.

И меня и вас Жеркур без конца раздражал тем, что он придает своей будущей жене такое значение, а также глупой самонадеянностью, заставляющей его думать, что он избегнет неизбежного. Вам известно его нелепое предубеждение в пользу монастырского воспитания и еще более смехотворный предрассудок насчет какой-то особой скромности блондинок. Я, право, готова побиться об заклад: хотя у маленькой Воланж шестьдесят тысяч ливров дохода, он никогда не решился бы на этот брак, будь она брюнеткой и не получи воспитания в монастыре. Докажем же ему, что он просто-напросто дурак: ведь рано или поздно он все равно окажется дураком, и не это меня смущает, но было бы забавно, если бы с этого началось. Как бы мы потешались на другой день, слушая его хвастливые рассказы, а уж хвастать-то он будет непременно! Вдобавок эту девочку просветите вы, и нам уж очень не повезло бы, если бы Жеркур, как и всякий другой, не стал в Париже притчей во языцех.

Впрочем, героиня этого нового романа заслуживает с вашей стороны всяческих стараний. Она и впрямь хорошенькая; красоте всего пятнадцать – настоящий бутон розы. Правда, донельзя неловка и лишена каких бы то ни было манер. Но вас, мужчин, подобные вещи не смущают. Зато у нее томный взгляд, который сулит многое. Добавьте к этому, что ее рекомендую я, и вам останется только поблагодарить меня и повиноваться.

⁶ Слова «шалопай, шалопайство», которые в хорошем обществе, к счастью, уже выходят из употребления, были в большом ходу, когда писались эти письма.

⁷ Для понимания этого места надо иметь в виду, что граф де Жеркур бросил маркизу де Мертей ради интендантши де***, которая для него пожертвовала виконтом де Вальмоном, и что именно тогда маркиза и виконт сошлись. Так как история эта имела место гораздо раньше событий, о которых идет речь в этих письмах, всю относящуюся к ней переписку мы предпочли здесь не помещать.

Письмо это вы получите завтра утром. Я требую, чтобы завтра же в семь часов вечера вы были у меня. До восьми я никого не буду принимать, даже ныне царствующего кавалера: для такого большого дела у него не хватит ума. Как видите, я отнюдь не ослеплена любовью. В восемь часов я отпущу вас, а в десять вы вернетесь ужинать с прелестным созданием, ибо мать и дочь у меня ужинают. Прощайте, уже за полдень, и скоро мне будет не до вас.

Париж. 4 августа 17...

Письмо 3

От Сесили Воланж к Софи Карне

Я еще ничего не знаю, дорогая моя! Вчера у мамы было за ужином много гостей. Хотя я и наблюдала с интересом за всеми, особенно за мужчинами, мне было очень скучно. Все – и мужчины, и женщины – внимательно разглядывали меня, а потом шушукались; я отлично видела, что говорили обо мне, и краснела – никак не могла с собой справиться. А мне бы очень хотелось этого, я ведь заметила, что, когда глядели на других женщин, те не краснели. А может быть, это их румяна скрывают краску смущения, – очень уж, должно быть, трудно не покраснеть, когда на тебя пристально смотрит мужчина.

Больше всего меня беспокоила невозможность узнать, что обо мне думают. Впрочем, кажется, раза два-три я расслышала слово *хорошенькая*, но также – и очень ясно – слово *неловкая*. Должно быть, это правда, ибо женщина, которая так сказала, родственница и приятельница мамы. Кажется, она даже сразу почувствовала ко мне расположение. Она – единственная, кто в этот вечер немного со мной поговорил. Завтра мы у нее ужинаем.

Слышала я также после ужина, как один мужчина сказал другому – я убеждена, что речь шла обо мне: «Потерпим, пока созреет, зимой посмотрим». Может быть, это как раз тот, который должен на мне жениться. Но, значит, это произойдет только через четыре месяца! Хотела бы я знать правду.

Вот и Жозефина, она говорит, что ей надо спешить. Но мне все же хочется рассказать тебе, как я допустила одну *неловкость*. О, кажется, та дама права!

После ужина сели играть в карты. Я под села к маме и – сама уж не знаю, как это случилось, – почти тотчас же заснула. Разбудил меня взрыв хохота. Не знаю, надо мной ли смеялись, но думаю, что надо мной. Мама разрешила мне удалиться, чему я была ужасно рада. Представь себе, был уже двенадцатый час. Прощай, дорогая моя Софи, люби, как прежде, свою Сесиль. Уверю тебя, что свет вовсе не так интересен, как нам казалось.

Париж, 4 августа 17...

Письмо 4

От виконта де Вальмона к Маркизе де Мертей в Париже

Приказания ваши – прелестны, а еще милее то, как вы их даете. Вы способны внушить любовь к деспотизму. Как вы сами знаете, я уже не впервые сожалею, что перестал быть вашим рабом. И каким бы «чудовищем» я, по вашим словам, ни был, я никогда не вспоминаю без удовольствия время, когда вы благосклонно давали мне более нежные имена. Порою даже я хотел бы снова заслужить их и в конце концов совместно с вами явить свету пример посто-янства. Но нас призывают более важные цели. Удел наш – побеждать, мы должны ему поко-ряться. Быть может, в конце жизненного пути мы с вами опять встретимся. Ибо, не в обиду будь вам сказано, прекраснейшая моя маркиза, вы от меня, во всяком случае, не отстаёте. И с тех пор, как мы, расставшись для блага мира, проповедуем раздельно друг от друга истинную веру, сдаётся мне, что как миссионер любви вы обратили больше людей, чем я. Мне известны ваше рвение, ваше пламенное усердие, и если бы бог любви судил нас по делам нашим, вы стали бы когда-нибудь святой покровительницей какого-нибудь большого города, в то время как друг ваш сделался – самое большее – деревенским праведником. Подобные речи удивляют вас, не правда ли? Но я уже целую неделю не слышу других и не говорю по-иному. И дабы усовершенствоваться в них, я вынужден пойти наперекор вам.

Не гневайтесь и выслушайте меня. Вам, хранительнице всех тайн моего сердца, доверю я величайший из задуманных мною замыслов. Что вы мне предлагаете? Соблазнить девушку, которая ничего не видела, ничего не знает, которая была бы, так сказать, выдана мне беззащит-ной. Первые же знаки внимания опьянят ее, а любопытство завлечет, может быть, еще быстрее любви. Кто угодно преуспел бы в этом деле не хуже меня. Не таково предприятие, которое я сейчас замыслил. Любовь, сплетающая мне венки, колеблется между миртом и лавром, а вернее всего – соединит их, чтобы увенчать мое торжество. Вы сами, прекрасный мой друг, охвачены будете благоговейным уважением и в восторге произнесете: «Вот мужчина, который мне по сердцу!»

Вы знаете президентшу⁸ Турвель – ее набожность, любовь к супругу, строгие правила. Вот на кого я посягаю, вот достойный меня противник, вот цель, к которой я устремляюсь.

И если не дано мне будет обладанье,
Я обретаю честь хоть в прелести дерзанья.

Можно привести и плохие стихи, когда они принадлежат великому поэту.⁹

Знайте же, что президент в Бургундии, где ведет большой судебный процесс (надеюсь, что мне он проиграет еще более важную тяжбу). Его безутешная половина должна прове-сти здесь весь срок своего горестного соломенного вдовства. Единственными развлечениями должны были служить ей ежедневная обедня, немногочисленные посещения бедняков здешней

⁸ *Президент, президентша.* – Госпожа де Турвель является женой председателя одной из палат какого-либо из провинци-альных парламентов, то есть одного из высших судебно-административных органов дореволюционной Франции. Благодаря системе покупки должностей, ставшей наследственной привилегией, члены парламентов (советники палат, президенты и т. п.) превращались в замкнутую касту – «дворянство мантии». По образованности и политическому влиянию они подчас стояли выше родовой аристократии или военно-служилой знати («дворянства шпаги»). Но по своим более строгим нравам были пат-риархальнее, отличаясь и по хозяйственному укладу. Вопросы нравственности, и, в частности, религиозное благочестие, вол-новавшие французское общество с середины XVII века (Паскаль, Расин), имели своей питательной средой именно эти круги.

⁹ Лафонтену.

округи, благочестивые беседы с моей старой тетушкой да изредка унылая партия в вист. Я же готовлю ей кое-что позанимательней. Мой добрый ангел привел меня сюда на ее и на мое счастье. А мне, безумцу, жаль было тех двадцати четырех часов, которыми я должен был пожертвовать приличия ради! Каким наказанием была бы для меня теперь необходимость вернуться в Париж! К счастью, играть в вист можно лишь вчетвером, а так как здесь для этого имеется лишь местный священник, моя бессмертная тетушка настоятельно просила; меня пожертвовать ей несколькими днями. Вы догадываетесь, что я согласился. Вы и не представляете себе, как она ухаживает за мною с тех пор и в особенности как радуется, что я неизменно сопровождаю ее к обедне и на другие церковные службы. Она и не подозревает, какому божеству я там поклоняюсь.

Итак, вот уже четыре дня, как я одержим сильной страстью. Вы знаете, как пылко я умею желать, с каким неистовством преодолеваю препятствия, но вы не знаете, как одиночество распаляет желания! У меня теперь лишь одна мысль. Лишь об одном думаю я целый день, и оно же снится мне ночью. Я во что бы то ни стало должен обладать этой женщиной, чтобы не оказаться, в смешном положении влюбленного, ибо до чего только не доведет неудовлетворенное желание! О сладостное обладание, взываю к тебе ради моего счастья, а еще больше ради моего покоя! Как счастливы мы, что женщины так слабо защищаются! Иначе мы были бы лишь жалкими их рабами. Сейчас я полон чувства признательности ко всем доступным женщинам, что, естественно, влечет меня к вашим ногам. Припадаю к ним, вымаливая себе прощение, и на этом же кончаю мое слишком затянувшееся письмо. Прощайте, прекраснейший друг мой, и не гневайтесь!

*Из замка *** 5 августа 17...*

Письмо 5

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Знаете ли вы, виконт, что письмо ваше донельзя дерзко и что я имела бы все основания рассердиться? Однако оно ясно доказало мне, что вы потеряли голову, и только это спасло вас от моего гнева. Как великодушный и чуткий друг, я забываю о своей обиде и думаю лишь об угрожающей вам опасности. И как ни скучно читать наставления, я готова на это – так они вам в настоящий момент необходимы.

Вам обладать президентшей Турвель! Какая смешная причуда! Узнаю вашу взбалмошность, которая всегда побуждает вас желать то, что кажется вам недоступным. Что же представляет собой эта женщина? Да, если угодно, – у нее правильные черты лица, но без всякой выразительности, она довольно хорошо сложена, но в ней нет изящества, она всегда смехотворно одевается, с вечной косынкой на груди, закрывающей ее до самого подбородка. Скажу вам как друг: и одной такой женщины достаточно, чтобы вы совершенно пали в глазах общества. Припомните тот день, когда она собирала пожертвования в церкви святого Роха и когда вы еще благодарили меня за доставленное вам зрелище. Я так и вижу ее под руку с этим длинноволосым верзилой – как она чуть не падает на каждом шагу, все время задевая кого-нибудь за голову своей четырехаршинной корзиной, и краснеет при каждом поклоне. Кто бы подумал тогда, что вы вспылаете к этой женщине желанием? Ну же, виконт, покраснейте в свою очередь и придите в себя. Обещаю вам, что никому ничего не расскажу.

И вдобавок – подумайте, какие неприятности вас ожидают! С каким соперником придется вам тягаться! С мужем! Разве не ощущаете вы себя униженным при одном этом слове? Какой позор, если вы потерпите неудачу! И как мало славы даст вам победа! Больше того: и наслаждений никаких не ждите. Разве получишь их с недотрогой? Я имею в виду искренних недотрог, которые скромничают даже в самый миг наслаждения и не дают вам вкусить всю полноту блаженства. Им неведомы такие радости любви, как полное самозабвение, как то иступление сладострастия, когда наслаждение как бы очищается в самой своей чрезмерности. Могу вам предсказать: в самом лучшем случае ваша президентша возомнит, что все для вас сделала, обращаясь с вами как с мужем, а между тем даже в наинужнейшем супружеском единении полного слияния с любимым существом никогда не бывает. Данный же случай гораздо хуже: ваша недотрога еще и святоша, притом у нее, словно у женщин из простонародья, набожность, обрекающая на вечное детство. Может быть, вам и удастся преодолеть это препятствие, но не льстите себя надеждой, что сможете его уничтожить: победив в ней любовь к богу, вы не справитесь со страхом перед дьяволом. И когда, держа любовницу в объятиях, вы ощутите трепет ее сердца, это будет дрожь не любви, а страха. Может быть, вы и смогли бы сделать что-нибудь из этой женщины, если бы узнали ее раньше; но ей двадцать два года, и она замужем уже около двух лет. Поверьте мне, виконт, если женщина до такой степени засохла, ее надо предоставить самой себе: она навсегда останется совершенной *посредственностью*.

А между тем ради столь привлекательного предмета вы не хотите повиноваться мне, хороните себя в склепе вашей тетушки и отказываетесь от очаровательнейшего приключения, в котором можете показать себя самым блестящим образом. Какой же рок судил, чтобы Жеркур всегда имел перед вами преимущество? Поверьте, я говорю с вами без малейшего раздражения, но в настоящую минуту мне и впрямь сдается, что вы не заслуживаете своей славы, а главное – что-то толкает меня отказать вам в доверии. Никогда не решусь я поверять свои тайны любовнику госпожи де Турвель.

Знайте, однако, что маленькая Воланж уже вскружила одну голову. Юный Дансени без ума от нее. Они пели дуэтом, и, по правде сказать, она поет лучше, чем обычно поют пансионеры. Они собираются разучить много дуэтов, и, кажется, она не отказалась бы от унисона; но этот Дансени еще мальчик, который только потеряет время на бесплодное ухаживание и останется ни с чем. С другой стороны – молодая особа довольно дика, и при всех обстоятельствах это будет гораздо менее забавным, чем было бы, вмешайся в это дело вы. Поэтому я крайне раздосадована и, наверно, поссорюсь с кавалером, когда он ко мне придет. Пусть он проявит кротость, ибо в данный момент мне ничего не стоит порвать с ним. Я уверена, что, если меня благое намерение решиться на разрыв, он пришел бы в отчаяние, а ничто так не тешит меня, как отчаяние влюбленного. Он назвал бы меня «изменницей», а это слово всегда доставляло мне удовольствие. После слова «жестокая» оно для женского слуха всего приятнее, а заслужить его стоит гораздо меньше труда. Право же, я займусь этим разрывом. Вот, однако, чему вы оказались причиной! Пускай все это и будет на вашей совести. Прощайте. Попросите вашу президентшу, чтобы она помолилась и за меня.

Париж, 7 августа 17...

Письмо 6

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Нет, значит, ни одной женщины, которая, добившись власти, не стала бы ею злоупотреблять! И даже вы, которую я так часто называл своим снисходительным другом, вы тоже перестали им быть и решаетесь нападать на меня, хуля предмет моей страсти! Какими чертами осмеливаетесь вы рисовать госпожу де Турвель!.. Нет мужчины, которому за подобный дерзостный вызов не пришлось бы заплатить жизнью! Кроме вас, нет ни одной женщины, которую за это же самое я не постарался бы хотя бы очернить! Молю вас, не подвергайте меня больше столь жестоким испытаниям: я не уверен, что выдержу их. Во имя нашей дружбы, перестаньте злословить об этой женщине хотя бы до тех пор, пока она не станет моей. Или вы не знаете, что одно лишь наслаждение властно снять повязку с очей любви?

Но что я говорю? Разве госпожа де Турвель нуждается в том, чтобы приукрашивать ее воображением? Нет, чтобы быть прелестной, ей достаточно оставаться самой собой. Вы упрекаете ее за то, что она плохо одета, — ну и что же, всякий наряд ей только вредит, всякий покров ее только портит. Подлинно обаятельна она в небрежной утренней одежде. Благодаря стоящей здесь изнурительной жаре легкое домашнее платье из полотна дает мне возможность видеть ее округлый и гибкий стан. Грудь ее прикрывает лишь кисея, и мой беглый, но пронизательный взор уловил уже восхитительные формы. Вы говорите, что лицо ее лишено выражения? А что ему выражать, пока сердце ее ничем не затронуто? Да, конечно, у нее нет лживой ужимки наших кокеток, порою соблазняющей нас и всегда обманчивой. Она не умеет прикрывать заученной улыбкой пустоту какой-нибудь фразы, и хотя у нее отличнейшие зубы, она смеется лишь тому, что ее действительно забавляет. Но надо видеть, образ какой простодушной, искренней веселости являет она нам в резвых играх! Сколько чистой радости сострадания и доброты в ее взгляде, когда она спешит оказать помощь страждущему! В особенности же надо видеть, как при малейшем намеке на ласковое слово или похвалу небесное лицо ее вспыхивает трогательным смущением непритворной скромности! Она недотрога, она набожна, и на этом основании вы считаете ее холодной и бездушной? Я держусь совершенно иного мнения. Сколько же надо иметь самой изумительной чувствительности, чтобы распространять ее даже на мужа и неизменно любить существо, постоянно находящееся в отсутствии? Можно ли требовать лучшего доказательства? А ведь я сумел его получить.

На нашей совместной прогулке я повел ее таким образом, что пришлось перебираться через ров. И хотя она очень проворна, робости в ней еще больше. Вы сами знаете, что недотроги боятся сделать смелый шаг.¹⁰ Пришлось ей довериться мне. Я держал в своих объятиях эту скромницу. Наши приготовления и переправа моей старой тетушки вызвали у резвой недотроги взрывы хохота, но когда я взял ее на руки и сделал рассчитано неловкое движение, руки наши соединились. Я прижал ее грудь к своей и в этот краткий миг почувствовал, что сердце ее забилося сильнее. Прелестный румянец окрасил ее щеки, и это робкое смущение достаточно ясно показало мне, *что сердце ее затрепетало от любви, а не от страха*. Тетушка моя, однако, ошиблась, подобно вам, и стала говорить: «Девочка-то испугалась», но очаровательная непосредственность этой «девочки» не позволила ей солгать, и она простодушно ответила: «Да нет, но...» Одно это слово сказало мне все. С этой минуты жестокое волнение сменилось у меня сладостной надеждой. Эта женщина станет моей, я отниму ее у мужа, он только оскверняет

¹⁰ Здесь запечатлелось дурного вкуса пристрастие к каламбурам, в то время только зарождавшееся и столь распространенное в наши дни.

ее; я дерзнул бы отнять ее у самого бога, которого она так возлюбила. Какое наслаждение то вызывать в ней угрызения совести, то побеждать их. Я и не помышляю о том, чтобы сокрушить смущающие ее предрассудки! Они только увеличат мое счастье и мою славу. Пусть она верит в добродетель, но пусть пожертвует ею ради меня. Пусть грех ужасает ее, будучи не в силах сдержать, и пусть, все время находясь во власти страха, она забывает, преодолевает его только в моих объятиях. И пусть – я на это согласен – она мне скажет тогда: «Обожаю тебя!» Из всех женщин лишь она одна достойна будет произнести эти слова. Поистине, я стану тем божеством, которое она предпочтет.

Будем же откровенны: в наших связях, столь же холодных, сколь и мимолетных, то, что мы именуем счастьем, – всего лишь удовольствие. Сказать вам правду? Я думал, что сердце мое уже увяло, и, находя в себе одну лишь чувственность, сетовал на то, что преждевременно постарел. Госпожа де Турвель возвратила мне прелестные иллюзии молодости. Подле нее мне не нужно обладания, чтобы ощущать себя счастливым. Единственное, что пугает меня, – время, которое займет это приключение, ибо я не решаюсь хоть в чем-либо довериться случайности. Напрасно припоминаю я свою удачливую дерзновенность, – я не могу решиться на нее. Для того чтобы я был счастлив, надо, чтобы возлюбленная сама отдалась мне, а добиться этого не так-то легко.

Я убежден, что вы восхитились бы моей осторожностью. Я еще не произносил слова «любовь», но мы уже говорили о «доверии» и «участии». Чтобы как можно меньше обманывать ее и в особенности чтобы на нее не подействовали всевозможные слухи обо мне, я сам, как бы обвиняя себя, рассказал ей кое-что из наиболее известных моих походов. Вы повеселились бы, видя, с каким простодушием она читает мне проповеди. Она уверяет, что хочет меня «обратить», но не подозревает даже, чего будет ей стоить эта попытка. Она далека от мысли, что, «вступаясь», как она выражается, «за несчастных, которых я погубил», она заранее оплакивает самое себя. Эта мысль пришла мне в голову вчера во время одной из ее проповедей, и я не смог отказать себе в удовольствии перебить ее, уверяя, что она говорит, как настоящий пророк. Прощайте, прекраснейший друг мой. Как видите, я еще не безвозвратно погиб.

P.S. Кстати, а бедняга кавалер не покончил с собой от отчаяния? Поистине, вы в сто раз бессердечнее меня, и я чувствовал бы себя униженным, если бы обладал самолюбием.

*Из замка***, 9 августа 17...*

Письмо 7

От Сесили Воланж к Софи Карне¹¹

Если я ничего не говорила о моем замужестве, то потому, что мне известно о нем не больше, чем в первый день. Я привыкаю не раздумывать о нем и довольно легко применяюсь к своему образу жизни. Много времени посвящаю пению и игре на арфе: мне кажется, я гораздо больше люблю эти занятия с тех пор, как обхожусь без учителя, вернее, с тех пор, как у меня появился лучший учитель. Кавалер Дансени, тот господин, о котором я тебе писала и с которым пела у госпожи де Мертей, настолько любезен, что приходит к нам ежедневно и целыми часами поет со мной. Он до крайности мил и сам сочиняет прелестные арии, к которым придумывает и слова. Как жаль, что он мальтийский рыцарь! Я думаю, что, если бы он женился, жена его была бы очень счастлива... Он так восхитительно ласков. Казалось бы, комплиментов он никогда не говорит, а между тем в каждом слове его есть что-то лестное для тебя. Он беспрестанно делает мне замечания и по поводу музыки, и насчет всяких других вещей, но в его критике столько участия и веселости, что невозможно не быть ему благодарной. Даже когда он просто смотрит на тебя, это имеет такой вид, будто он делает тебе что-то приятное. Вдобавок он весьма обязательен. Вчера, например, его приглашали на большой концерт, а он предпочел провести весь вечер у мамы, – меня это очень обрадовало, так как в его отсутствие никто со мной не разговаривает и я скучаю. Зато с ним мы поем и беседуем. У него всегда находится что мне сказать. Он и госпожа де Мертей – единственные приятные мне люди. Но прощай теперь, милая моя подружка, я обещала, что к сегодняшнему дню разучу одну маленькую арию с очень трудным аккомпанементом, и не хочу изменить своему слову. Буду заниматься до самого его прихода.

*Из ***, 7 августа 17...*

¹¹ Чтобы не злоупотреблять терпением читателя, мы исключаем из этой каждодневной переписки множество писем: публикуются лишь те, что казались нам необходимыми для понимания событий, происходивших в данном кружке. По той же причине исключаются все письма Софи Карне и многие другие письма действующих лиц этих приключений.

Письмо 8

От президентши де Турвель к Госпоже де Воланж

Я бесконечно тронута, сударыня, доверием, которое вы мне оказали, и всей душой заинтересована в устройстве судьбы мадемуазель де Воланж. От всего сердца желаю ей счастья, которого она – я в этом уверена – вполне достойна и которое, несомненно, обеспечит ей ваша предусмотрительность. Я не знаю графа де Жеркура, но, поскольку вы оказали ему честь остановиться на нем свой выбор, я могу иметь о нем лишь самое высокое мнение. Ограничиваюсь, сударыня, пожеланием, чтобы брак этот был столь же счастливым и удачным, как и мой, который тоже ведь был делом ваших рук, за что я с каждым днем вам все более благодарна. Пусть счастье вашей дочери будет наградой за то, которое вы дали мне, и пусть вы, лучший друг, окажетесь также счастливейшей матерью!

Я до крайности огорчена, что не имею возможности лично высказать вам это искреннейшее мое пожелание и познакомиться так скоро, как мне бы этого хотелось, с мадемуазель де Воланж. Вы отнеслись ко мне с добротой поистине материнской, и я имею право надеяться с ее стороны на нежную дружбу сестры. Прошу вас, сударыня, передать ей это от моего имени, пока у меня не окажется возможность самой заслужить ее дружбу.

Я думаю пробыть в деревне, пока господин де Турвель будет отсутствовать, и в течение этого времени постараюсь как можно лучше воспользоваться и насладиться обществом почтенной госпожи де Розмонд. Эта женщина неизменно очаровательна: преклонный возраст не повредил ей ни в чем – она сохранила всю свою память и жизнерадостность. Пусть телу ее восемьдесят четыре года, душе – не более двадцати.

Уединение наше оживляется присутствием ее племянника, виконта де Вальмона, который любезно согласился пожертвовать ради нас несколькими днями. Я знала о нем лишь по слухам, а они не слишком располагали меня стремиться к более близкому знакомству. Но сейчас мне кажется, что он лучше славы, которая о нем пошла. Здесь, где его не портит светская суэта, он с удивительной искренностью ведет разумные речи и с редким чистосердечием признает свои заблуждения. Он говорит со мною очень откровенно, а я читаю ему строгую мораль. Вы знаете его, и потому согласитесь, что обратить его на путь истинный было бы большим успехом, но я не сомневаюсь, что, несмотря ни на какие клятвы, стоит ему провести одну неделю в Париже, и он забудет все мои проповеди. Во всяком случае, он хоть во время пребывания здесь будет воздерживаться от обычного своего поведения, я же полагаю, что, судя по его образу жизни, лучшее, что он может сделать, это – не делать ничего. Он знает, что я вам пишу, и просит меня засвидетельствовать вам свое уважение. Примите также с обычной вашей добротой и мой сердечный привет и не сомневайтесь в искренних чувствах, с которыми я имею честь... и т. д.

*Из замка ***, 9 августа 17...*

Письмо 9

От госпожи де Воланж к президентше де Турвель

Я никогда не сомневалась, мой юный и прелестный друг, ни в дружеских чувствах, которые вы ко мне питаете, ни в искреннем участии вашем ко всему, что меня касается. И не для того, чтобы внести ясность в эти наши отношения, которые, надеюсь, не вызывают сомнений, отвечаю я на ваш «ответ», но для меня просто невозможно не поговорить с вами о виконте де Вальмоне.

Признаюсь, я не ожидала, что когда-либо встречу это имя в ваших письмах. Ну что, скажите, может быть общего между вами и им? Вы не знаете этого человека. Да и откуда может быть у вас представление о душе распутника? Вы говорите о его *редком чистосердечии* – о да, чистосердечие Вальмона должно быть, действительно, вещью очень редкой! Он еще более фальшив и опасен, чем любезен и обаятелен, и никогда с самой своей юности он не сделал ни одного шага, не произнес ни одного слова, не имея при этом какого-либо умысла, и никогда не было у него такого умысла, который не явился бы бесчестным или преступным. Друг мой, вы меня знаете. Вам известно, что из всех добродетелей, которыми мне хотелось бы обладать, снисходительность – самая в моих глазах ценная. Поэтому, если бы Вальмона увлекали бурные страсти, если бы он, как многие другие, подпал соблазну заблуждений, свойственных его возрасту, я, порицая его поведение, чувствовала бы к нему жалость и спокойно ждала бы дня, когда счастливое раскаяние вернуло бы ему уважение порядочных людей. Но Вальмон отнюдь не таков: поведение его вытекает из принятых им правил. Он умело рассчитывает, сколько гнусностей может позволить себе человек, не скомпрометировав себя, и, чтобы иметь возможность быть жестоким и злым, не подвергаясь при этом опасности, жертвами своими делает женщин. Я не намерена перечислять всех тех, кого он соблазнил, но скольких он погубил?

Вы ведете жизнь уединенную и скромную, и молва обо всех этих скандальных похождениях до вас не доходит. Я могла бы рассказать вам вещи, от которых вы содрогнулись бы. Но взор ваш, такой же чистый, как и душа, был бы загрязнен подобными картинами. Однако я уверена, что Вальмон никогда не будет вам опасен и для защиты от него вы в таком оружии не нуждаетесь. Единственное, что я должна вам сказать: из всех женщин, за которыми он успешно или безуспешно ухаживал, не было ни одной, которой не пришлось бы об этом сожалеть. Исключением из этого правила является лишь маркиза де Мертей: только она сумела дать ему отпор и укротить его злонаравие. Признаюсь, что, на мой взгляд, именно это делает ей больше всего чести. Вот почему этого и оказалось достаточно, чтобы полностью извинить в глазах всего общества известное легкомыслие, в котором ее стали обвинять сразу после того, как она овдовела.¹²

Как бы то ни было, прелестный друг мой, опытность и прежде всего дружеские чувства к вам дают мне право предупредить вас: в обществе уже заметили отсутствие Вальмона, и если станет известным, что некоторое время он пробыл втроем со своей тетушкой и с вами, ваше доброе имя будет в его руках, а это – величайшее несчастье, какое только может постигнуть женщину. Поэтому я советую вам убедить его тетушку не удерживать его долее, а если он будет упорствовать в стремлении остаться, думаю, что вы, не колеблясь, должны уступить ему место. Но для чего бы ему оставаться? Что ему делать в этой деревне? Я убеждена, что, понаблюдав и последив за ним, вы обнаружили бы, что он просто-напросто избрал самое удобное убежище

¹² Заблуждение госпожи де Воланж свидетельствует о том, что, подобно другим негодяям, Вальмон не выдавал своих сообщников.

для того, чтобы осуществить в тех местах какую-нибудь задуманную им низость. Но, не имея возможности предотвратить зло, удовольствуемся тем, что уберемся от него сами.

Прощайте, прелестный друг мой. Замужество моей дочери несколько запаздывает. Мы со дня на день ожидали графа де Жеркура, но он известил меня, что его полк направлен на Корсику, а так как военные действия еще не вполне закончены, он не сможет отлучиться до зимы. Это досадно, но зато я могу надеяться, что мы будем иметь удовольствие видеть вас на свадьбе, а я была бы очень огорчена, если бы она состоялась без вас. Прощайте и примите уверения в моей нелицемерной совершенной преданности.

P.S. Передайте мой привет госпоже де Розмонд, которую я люблю, как она того вполне заслуживает.

*Из***, 11 августа 17...*

Письмо 10

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Уж не дуетесь ли вы на меня, виконт? Или вы умерли? Или – что весьма вероятно – вы живете только для вашей президентши? Эта женщина, вернувшая вам *иллюзии юности*, вернет вам скоро и ее смехотворные предрассудки. Вы уже стали несмелым рабом; почему бы не стать влюбленным воздыхателем? Вы отказываетесь от удачливой дерзости, и вот теперь уже действуете безо всяких правил, положившись на волю случая, или, вернее, прихоти. Или вы забыли, что любовь, подобно медицине, есть всего-навсего *искусство помогать* природе? Как видите, я побиваю вас вашим же оружием, но отнюдь не собираюсь возгордиться, ибо это поистине значило бы бить лежачего. «Надо, чтобы она сама отдалась», – говорите вы мне. Ну, разумеется, надо. Она и отдастся, как все прочие, с тою лишь разницей, что сделает это неохотно. Но чтобы она под конец отдалась, самое верное средство – начать с того, чтобы взять ее. Нелепое это различие есть самый что ни на есть настоящий бред влюбленности. Я так говорю, потому что вы явно влюблены. И говорить с вами иначе – значило бы предать вас, скрывать от вас, чем вы больны. Скажите же мне, томный воздыхатель, а те женщины, которых вы добивались, вы их, значит, брали силой? Но ведь как бы нам ни хотелось отдаться, как бы мы ни спешили это сделать, нужен все же предлог, а есть ли предлог более для нас удобный, чем тот, что позволяет нам изображать дело так, будто мы уступаем силе? Что до меня, то признаюсь, мне больше всего по сердцу быстрое и ловкое нападение, когда все происходит по порядку, хотя и достаточно быстро, так что мы не оказываемся в крайне неприятной необходимости самим исправлять неловкость, которою нам, напротив, следовало бы воспользоваться. Такое нападение позволяет нам казаться жертвами насилия даже тогда, когда мы добровольно уступаем и искусно потворствуем двум самым дорогим для нас страстям: славе сопротивления и радости поражения. Признаюсь также, что этот дар, гораздо более редкий, чем может казаться, всегда доставлял мне удовольствие, даже если не мог меня обольстить, и иногда мне случалось уступать исключительно в награду. Так в турнирах древних времен красота была наградой за доблесть и ловкость.

Но вы, переставший быть самим собой, вы ведете себя так, словно боитесь иметь успех. С каких это пор двигаетесь вы черепашным шагом и окольными путями? Друг мой, чтобы добраться до цели, надо мчаться на почтовых и по большой дороге! Но оставим этот предмет – он тем более раздражает меня, что из-за него я лишена удовольствия видеться с вами. Вы хотя бы пишите мне почаще и ставьте меня в известность о своих успехах. Знаете ли вы, что нелепое это приключение занимает вас уже две недели и вы всем на свете пренебрегаете?

Кстати о пренебрежении – вы похожи на тех людей, которые регулярно посылают спрашивать о состоянии своих больных друзей, но никогда не выслушивают ответа. В своем последнем письме вы спрашивали, не скончался ли господин кавалер. Я не отвечаю, а вы и не думаете выказывать беспокойство. Разве вы позабыли, что мой любовник – ваш давнишний друг? Впрочем, не тревожьтесь, он отнюдь не умер, а если бы и умер, так от избытка радости. Бедняга кавалер! Как он ласков, как он поистине создан для любви, как он умеет пламенно чувствовать! У меня кружится голова. Право же, совершенное счастье, доставляемое ему моей любовью, действительно привязывает меня к нему.

Каким счастливым сделала я его в тот самый день, когда писала вам, что намерена разорвать наши отношения! А ведь я и впрямь обдумывала наилучший способ довести его до отчаяния, когда мне о нем доложили. Игра ли моего воображения или действительно так было, –

но он никогда еще не казался мне милее. Тем не менее я приняла его весьма немилостиво. Он надеялся провести со мной два часа до момента, когда моя дверь откроется для всех. Я же сказала ему, что собираюсь выйти из дому. Он спросил – куда. Я отказалась сообщить ему это. Он принялся настаивать. «Иду туда, где вас не будет», – сказала я с раздражением. К счастью для себя, он был ошеломлен этим ответом. Ибо, скажи он хоть слово, неизбежно последовала бы сцена, которая и привела бы к задуманному мною разрыву. Удивленная его молчанием, я бросила на него взгляд, без иной цели, клянусь вам, как увидеть его недовольную мину. Но на прелестном этом лице я обнаружила ту глубокую и вместе с тем нежную грусть, перед которой – вы сами это признали – так трудно бывает устоять. Одна и та же причина вызвала одно и то же следствие: я была вторично побеждена. С этого мгновения я стала думать лишь о том, как бы сделать так, чтобы он не нашел у меня ни одного недостатка. «Я иду по делу, – сказала я более ласково, – и даже по делу, касающемуся вас, но не расспрашивайте меня. Я буду ужинать дома. Возвращайтесь к ужину – и все узнаете!» Тут он вновь обрел дар речи, но я не дала ему говорить. «Я очень тороплюсь, – продолжала я, – оставьте меня; до вечера». Он поцеловал мне руку и удалился.

Тут же, чтобы вознаградить его, а может быть, и самое себя, я решила познакомить его с моим маленьким домиком, о существовании которого он и не подозревал. Я позвала мою верную Виктуар, а всем домочадцам объявила, что у меня мигрень и что я легла в постель. Оставшись наедине с *настоящей* служанкой, я переделалась так, чтобы выдать себя за служанку, она же, надев мужской костюм, преобразилась в лакея. Затем она отправилась за наемным экипажем, который подъехал к калитке моего дома, и мы отправились. Очутившись в моем капище любви, я выбрала самый подходящий для любовного свидания туалет. Он восхитителен, и придумала его я сама: он ничего не подчеркивает, но на все намекает. Обещаю дать его вам на образец для вашей президентши, когда вы добьетесь того, что она станет достойной носить его.

После этих приготовлений, в то время как Виктуар занимается другими вещами, читаю главу из «Софы»,¹³ одно письмо Элоизы¹⁴ и две сказки Лафонтена, чтобы восстановить в памяти несколько оттенков тона, который намеревалась усвоить для данного случая. Между тем мой кавалер со своей обычной поспешностью подъезжает к дверям моего дома. Швейцар отказывает ему в приеме, ибо я больна, – происшествие первое. В то же время он передает ему записку от меня, но написанную не моей рукой, согласно принятым мною правилам предосторожности. Он распечатывает ее и обнаруживает почерк Виктуар: «Ровно в девять часов, на бульваре, против кафе». Он отправляется туда, и там маленький лакей, которого он не знает – или так, во всяком случае, ему кажется, ибо это все та же Виктуар, – объясняет ему, что он должен отпустить коляску и следовать за ним. Вся эта романтическая обстановка еще более горячит его воображение, а такая горячность никогда не вредит. Наконец, он у цели, окончательно замороженный изумлением и любовью. Чтобы дать ему прийти в себя, мы совершаем небольшую прогулку по боскету, затем я веду его в дом. Он видит сперва стол, накрытый на два прибора, затем раскрытую постель. Мы направились в будуар, представший перед ним во всей своей роскоши. Там, наполовину по задуманному плану, наполовину в искреннем порыве, я обняла его обеими руками и упала к его ногам. «О друг мой! – молвила я. – Мне так хотелось, чтобы ты вкусил всю неожиданность этой минуты, но зато теперь я должна раскаиваться в том, что огорчила тебя, для вида напуская на себя холодность, и – пусть лишь на миг – скрыла сердце мое от твоего взора. Прости мне эту вину: я искуплю ее силой своей любви!» Вы сами можете судить о впечатлении, произведенном этой чувствительной речью. Осчастливленный

¹³ «Софа» – эротико-сатирический роман французского писателя Кребийона Младшего (1707–1777).

¹⁴ Элоиза. – Имеется в виду знаменитый роман в письмах Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза». Повествуя в нем о любви плебея Сен-Пре и дворянки Юлии, Руссо восстает против преград, которые ставятся чувству общественными условностями и пред-
рассудками, но признает, однако, преграды, которые воздвигает сознание нравственного долга.

кавалер тотчас же поднял меня, и мое прощение было скреплено на той же оттоманке, где мы с вами так весело и на тот же самый лад скрепили свое решение о нашем вечном разрыве.

Поскольку нам предстояло провести наедине целых шесть часов, а я поставила себе целью все это время сделать для него одинаково сладостным, я постаралась умерить его пыл и сменила нежность милым кокетством. Кажется, никогда еще я до такой степени не старалась понравиться и никогда не была так довольна собой. После ужина, изображая поочередно то ребячливость, то рассудительность, становясь то игривой, то чувствительной, а то даже и распутной, я забавлялась тем, что превращала его в султана среди сераля, поочередно изображая самых различных одалисок. И в самом деле, неистощимые его ласки расточались всегда одной и той же женщине, но всякий раз иной любовнице.

Наконец, на рассвете надо было расстаться, и что бы он ни говорил, что бы он даже ни делал, стремясь доказать мне обратное, – отдых был ему столь же необходим, сколь и нежелателен. Когда мы уже выходили и в последний раз прощались, я взяла ключ от этого блаженного убежища и передала его ему со словами: «Я завела его только для вас, вам и владеть им: храмом должен располагать тот, кто приносит жертву». Этим ловким ходом я предупредила размышления, на которые могло навести его то всегда подозрительное обстоятельство, что у меня есть маленький домик. Я достаточно знаю его, чтобы быть вполне уверенной, что он воспользуется ключом лишь для встреч со мной, а если бы мне взбрело в голову отправиться туда без него, так у меня есть про запас второй ключ. Он во что бы то ни стало хотел условиться насчет следующего свидания, но сейчас он мне еще очень нравится, и я не хочу, чтобы он мне слишком скоро надоел. Излишества можно позволять себе лишь с теми, кого собираешься вскоре бросить. Ему это еще незнакомо, но, на его счастье, я знаю это за двоих.

Только сейчас я заметила, что уже три часа утра и что, собираясь нацарапать несколько слов, я написала целый том. Такова прелесть доверительной дружбы. Благодаря ей я до сих пор люблю вас больше всех, но, по правде говоря, по вкусу мне больше всего – кавалер.

*Из ***, 12 августа 17...*

Письмо 11

От президентши де Турвель к госпоже де Валанж

Ваше строгое письмо напугало бы меня, сударыня, если бы, к счастью, здесь у меня не было больше оснований для спокойствия, чем для опасений, которые вы мне стараетесь внушить. Сей устрашающий господин де Вальмон, являющийся, по-видимому, грозой всех женщин, сложил, кажется, свое смертоносное оружие, прежде чем вступил в этот замок. Он не только не строит здесь никаких планов, но и притязаний на это не имеет, и, хотя даже враги его признают, что он человек любезный, это качество здесь почти не проявляется, уступая место добродушной ребячливости. Чудо это, надо полагать, совершил деревенский воздух. Во всяком случае, могу вас уверить, что, хотя он постоянно находится в моем обществе, которое, видимо, ему приятно, у него не вырвалось ни одного слова о любви, ни одной из тех фраз, которые позволяет себе любой мужчина, не обладая даже, в противоположность ему, ничем, что их оправдывало бы. Никогда не вынуждает он меня к нарочитой сдержанности, к которой приходится прибегать каждой уважающей себя женщине, чтобы держать окружающих ее мужчин в границах. Он умеет не злоупотреблять веселостью, которую вызывает. Может быть, он слишком уж любит льстить, но льстит так деликатно, что и самое скромность мог бы приучить к похвалам. Словом, если бы я имела брата, то хотела бы, чтобы он был таким, каким вызывает себя здесь господин де Вальмон. Возможно, многие женщины предпочли бы, чтобы он проявлял больше галантности, и, должна сказать, я бесконечно благодарна ему за то, что он сумел достаточно хорошо судить обо мне, чтобы меня с такими женщинами не смешивать.

Разумеется, этот портрет весьма отличается от того, который нарисовали мне вы, но, несмотря на это, оба могут верно передавать сходство, если точно определить время, к какому каждый из них относится. Он сам признаёт за собою немало дурных поступков, кое-что ему зря приписано молвой. Но я видела мало мужчин, которые говорили бы о порядочных женщинах с большим уважением, я бы сказала – почти с восторгом. И вы сами написали мне, что на этот хотя бы счет он не ошибается. Доказательство – его поведение с госпожой де Мертей. Он много рассказывает нам о ней и всегда с такою похвалою и, видимо, с такой искренней привязанностью, что до получения вашего письма я считала это его чувство не дружбой, как он нас уверял, а любовью. Теперь я укоряю себя за столь смелое суждение, тем более для меня непростительное, что сам он старается представить свое чувство в истинном виде. Я – должна признаться – считала хитростью то, что было с его стороны благородной искренностью. Не знаю, но мне кажется, что человек, способный испытывать такую прочную дружбу к столь уважаемой женщине, не может быть нераскаянным распутником. Должны ли мы приписывать добропорядочность его нынешнего поведения каким-либо планам, которые, как вы думаете, он замышляет в нашей округе, – я понятия не имею. По соседству имеется несколько привлекательных женщин, но он мало отлучается из дому – преимущественно по утрам, и тогда он говорит, что ходил на охоту. Правда, дичь он приносит редко, но, по его словам, он не слишком удачливый охотник. Впрочем, меня мало беспокоит, чем он занимается за стенами замка; если бы мне и хотелось это знать, то лишь для того, чтобы иметь лишний повод склониться к вашему мнению или же склонить вас к моему.

Вы советуете мне содействовать тому, чтобы господин де Вальмон сократил срок своего пребывания здесь, но мне представляется весьма затруднительным просить его тетюшку не задерживать у себя племянника, тем более что она его очень любит. Однако я обещаю – но исключительно из уважения к вам, а не в силу необходимости – воспользоваться подходя-

щим случаем и попросить об этом либо ее, либо же его самого. Что до меня, то господину де Турвелю известно, что я решила оставаться здесь до его возвращения, и он был бы справедливо удивлен, если бы я так легко переменила решение.

Все эти разъяснения, сударыня, возможно, покажутся вам слишком длинными, но я считала, что правды ради должна дать благоприятный отзыв о господине де Вальмоне, который, на мой взгляд, в нем перед вами весьма нуждается. Однако это нисколько не уменьшает моей признательности за те дружеские чувства, которыми внушены ваши советы. Им обязана я и теми милыми словами, которые вы сказали мне в связи с отсрочкой замужества вашей дочки. Благодарю вас за них от всей души. Какое бы удовольствие ни сулила мне возможность провести это время с вами, я охотно пожертвовала бы им искреннему своему желанию поскорее узнать, что мадемуазель де Воланж обрела свое счастье, если, впрочем, она может обрести счастье большее, чем то, какое могла ей дать жизнь подле матери, столь достойной всей ее нежности, всего ее уважения. Я разделяю с ней оба эти чувства, так привязывающие меня к вам, и прошу вас благосклонно принять уверения в них. Имею честь и пр.

*Из ***, 13 августа 17...*

Письмо 12

От Сесили Воланж к маркизе де Мертей

Мама нездорова, сударыня; она не выходит, и я не могу ее оставить. Таким образом, я не буду иметь чести сопровождать вас в Оперу. Уверяю вас, меня больше огорчает то, что мне не удастся провести вечер с вами, чем то, что не увижу представления. Прошу вас не сомневаться в этом. Я вас так люблю! Не согласитесь ли вы передать господину кавалеру Дансени, что у меня нет сборника, о котором он мне говорил, и что, если он сможет занести его завтра, я буду очень рада. Если он зайдет сегодня, ему скажут, что нас нет дома, но это потому, что мама не хочет никого принимать. Надеюсь, завтра ей станет лучше.

Имею честь и пр.

*Из ***, 13 августа 17...*

Письмо 13

От маркизы де Мертей к Сесили Воланж

Я очень огорчена, милочка моя, что лишена удовольствия увидеть вас, и причиной этого лишения. Надеюсь, что подобная же возможность представится снова. Я передам ваше поручение кавалеру Дансени, который, без сомнения, будет крайне огорчен болезнью вашей матушки. Если она захочет принять меня, я приеду завтра посидеть с нею. Мы с нею совместно поведем за пикетом нападение на кавалера де Бельроша.¹⁵ Выигрывая у него деньги, мы в довершение удовольствия будем слушать, как вы поете со своим милым учителем, которого я об этом непременно попрошу. Если это будет удобно вашей матушке и вам, я пишу и за себя и за обоих своих кавалеров. Прощайте, милочка. Привет дорогой госпоже де Воланж. Нежно целую вас.

*Из ***, 13 августа 17...*

¹⁵ Тот самый, о котором говорится в письмах госпожи де Мертей.

Письмо 14

От Сесили Воланж к Софи Карне

Вчера я не писала тебе, дорогая Софи, но, уверяю тебя, не развлечения помешали мне. Мама была больна, и я весь день не отходила от нее. Вечером, когда я ушла к себе, у меня уже ни к чему не было охоты, и я пораньше легла, чтобы убедиться, что день наконец-то кончился: ни один еще не казался мне таким длинным. И не оттого, что я не люблю маму, а просто сама не знаю почему. Я должна была поехать в Оперу с госпожой де Мертей; там должен был быть кавалер Дансени. Ты знаешь, что эти двое нравятся мне больше всех других. С наступлением часа, когда я тоже должна была быть там, сердце мое как-то невольно сжалось. Все мне было в тягость, и я плакала, плакала, не в силах удержаться от слез. К счастью, мама лежала и видеть меня не могла. Я уверена, что кавалер Дансени тоже был расстроен, но его все же развлекало представление и общество. Это совсем другое дело!

К счастью, сегодня маме лучше, и к нам придет госпожа де Мертей с одним господином и с кавалером Дансени. Но госпожа де Мертей всегда очень поздно является, а сидеть так долго одной ужасно скучно. Сейчас всего одиннадцать часов. Правда, мне надо поиграть на арфе, да и туалет мой займет некоторое время – сегодня я хочу получше причесаться. Кажется, мать Перпетуя права, и в свете сразу становишься кокеткой. Никогда еще мне не хотелось быть красивой так, как в последние дни; я нахожу, что вовсе не столь привлекательна, как воображала, и, кроме того, очень много теряешь в присутствии женщин, которые румянятся. Вот, например, госпожа де Мертей: я вижу, что все мужчины находят ее более красивой, чем меня, но этим я не слишком огорчаюсь, так как она любит меня и к тому же уверяет, будто кавалер Дансени находит, что я красивее ее. Как благородно было с ее стороны сказать мне об этом! Казалось даже, что она этому радуется. Должна сказать, что я этого понять не могу. Значит, она меня очень сильно любит! А он!.. О, как я рада. Но и мне кажется, что достаточно посмотреть на него, чтобы похорошеть. Я бы без конца смотрела на него, если бы не боялась встретиться с ним взглядом: каждый раз, как это случается, я совершенно теряюсь; мне словно больно, но это ничего.

Прощай, дорогая моя подружка, иду заняться своим туалетом. Я люблю тебя по-прежнему.

Париж, 14 августа 17...

Письмо 15

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

С вашей стороны очень благородно не оставлять меня на произвол моей печальной судьбы. Жизнь, которую я здесь веду, действительно может утомить избытком покоя и пресной однообразностью. Читая ваше письмо, это подробное описание вашего прелестного дня, я раз двадцать намеревался под предлогом какого-нибудь дела примчаться к вашим ногам и умолять вас изменить со мной вашему кавалеру, не заслуживающему, в сущности, своего счастья. Знаете ли вы, что заставили меня ревновать к нему? Зачем вы заговорили о вечном разрыве? Я отрекаюсь от этой клятвы, произнесенной в бреду: мы оказались бы недостойными ее, если бы вынуждены были ее сдержать. Ах, когда бы я мог когда-нибудь отомстить в ваших объятиях за невольную досаду, вызванную во мне счастьем, которое испытал кавалер! Признаюсь, негодование охватывает меня, когда я думаю о том, что этот человек, ни о чем не размышляя и ничем не утруждая себя, а только глупейшим образом следуя бессознательному побуждению своего сердца, находит блаженство, для меня недостижимое! О, я его нарушу! Обещайте мне, что я его нарушу. Да вы-то разве не испытываете унижения? Вы пытаетесь обмануть его, а между тем он счастливее вас. Вы думаете, что он ваш пленник, а ведь это вы у него в плену. Он мирно спит, а в это время вы бодрствуете, заботясь о его наслаждениях. И раба его не сделала бы больше!

Послушайте, прекрасный друг мой, пока вы делите себя между многими, я ни в малейшей степени не ревную: ваши любовники для меня – лишь наследники Александра Великого, неспособные сохранить сообща то царство, где властвовал я один. Но чтобы вы отдавали себя всецело одному из них, чтобы существовал другой столь же счастливый, как я, – этого я не потерплю! И не надейтесь, что я стану терпеть. Или примите меня снова, или хотя бы возьмите второго любовника и ради причуды иметь одного возлюбленного не изменяйте нерушимой дружбе, в которой мы поклялись друг другу.

У меня и без того достаточно причин жаловаться на любовь. Как видите, я соглашаюсь с вашим мнением и признаю свою вину. И правда, если не иметь сил жить, не обладая тем, чего желаешь, если жертвовать ради любви своим временем, своими наслаждениями, своей жизнью – если это и есть быть влюбленным, – тогда я подлинно влюблен. Но это не приближает меня к моей цели. Мне бы совсем нечего было сообщить вам на этот счет, если бы не одно происшествие, заставившее меня весьма задуматься; и пока еще неясно, должно ли оно вызвать во мне опасение или зародить надежды.

Вы знаете моего егеря: это сокровище по части интриг, настоящий слуга из комедии. Вы понимаете, что ему назначено ухаживать за горничной и спаивать прочих слуг. Бездельник счастливее меня; он уже добился успеха. Он только что открыл, что госпожа де Турвель поручила одному из своих людей собирать сведения о моем поведении и даже следить за каждым моим шагом во время утренних прогулок, насколько это можно будет делать, оставаясь незамеченным. Чего нужно этой женщине? Итак, даже величайшая скромница решается на такие вещи, которые мы с вами едва ли бы решились позволить себе! Клянусь... Но прежде чем помышлять о мести за эту женскую хитрость, позаботимся о способах обратить ее нам на пользу. До сих пор эти вызвавшие подозрения прогулки не имели никакой цели; теперь надо будет ее найти. Это требует всего моего внимания, и я покидаю вас, чтобы хорошенько поразмыслить. Прощайте, мой прелестный друг.

*По-прежнему из замка ***, 15 августа 17...*

Письмо 16

От Сесили Воланж к Софи Карне

Ах, Софи, ну и новости же у меня! Может быть, мне и не следовало бы сообщать их тебе, но надо же с кем-нибудь поделиться: это сильнее меня. Кавалер Дансени... Я в таком смущении, что не могу писать; не знаю, с чего начать. После того как я рассказала тебе о прелестном вечере,¹⁶ который я провела у мамы с ним и госпожой де Мертей, я больше ничего тебе о нем не говорила: дело в том, что я ни с кем вообще не хотела о нем говорить, тем не менее он все время занимал мои мысли. С той поры он стал так грустен, так ужасно грустен, что мне делалось больно. А когда я спрашивала о причине его грусти, он говорил, что причины никакой нет. Но я-то видела, что что-то есть. Так вот, вчера он был еще печальнее, чем обычно. Все же это не помешало ему оказать мне любезность и петь со мной, как всегда. Но всякий раз, как он глядел на меня, сердце мое сжималось. После того как мы кончили петь, он пошел спрятать мою арфу в футляр и, возвращая мне ключ, попросил меня поиграть еще вечером, когда я буду одна. Я ничего не подозревала. Я даже вовсе не собиралась играть, но он так просил меня, что я сказала: «Хорошо». А у него были на то свои причины. И вот, когда я пошла к себе и моя горничная удалилась, я отправилась за арфой. Между струнами я обнаружила письмо, не запечатанное, а только сложенное; оно было от него. Ах, если бы ты знала, что он мне пишет! С тех пор как я прочитала его письмо, я так радуюсь, что ни о чем другом и думать не могу. Я тут же прочитала его четыре раза подряд, а когда легла, то повторяла столько раз, что заснуть было невозможно. Едва я закрывала глаза, как он вставал передо мной и сам произносил то, что я только что прочла. Заснула я очень поздно и, едва проснувшись (а было совсем еще рано), снова достала письмо, чтобы перечитать его на свободе. Я взяла его в постель и целовала так, словно... Может быть, это очень плохо – целовать так письмо, но я не могла устоять.

Теперь же, моя дорогая, я и очень счастлива и вместе с тем нахожусь в большом смятении, ибо мне, без сомнения, не следует отвечать на такое письмо. Я знаю, что это не полагается, а между тем он просит меня ответить, и если я не отвечу, то уверена, он опять будет по-прежнему печален. А это для него ведь очень тяжело! Что ты мне посоветуешь? Впрочем, ты знаешь не больше моего. Мне очень хочется поговорить об этом с госпожой де Мертей, которая ко мне так хорошо относится. Я хотела бы его утешить, но мне не хотелось бы сделать ничего дурного. Нам ведь всегда говорят, что надо иметь доброе сердце, а потом запрещают следовать его велениям, когда это касается мужчины! Это также несправедливо. Разве мужчина для нас не тот же ближний, что и женщина, даже больше? Ведь если наряду с матерью есть отец, а наряду с сестрой – брат, то вдобавок есть еще и муж. Однако если я сделаю что-нибудь не вполне хорошее, то, может быть, и сам господин Дансени будет обо мне плохо думать! О, в таком случае я уж предпочту, чтобы он ходил грустный. И потом, ответить я еще успею. Если он написал вчера, это не значит, что я обязательно должна написать сегодня. Сегодня вечером мне как раз предстоит увидеться с госпожой де Мертей, и, если у меня хватит храбрости, я ей все расскажу. Если я потом сделаю точно так, как она скажет, то мне не придется ни в чем себя упрекать. Да и, может быть, она скажет, что я могу ответить ему самую чуточку, чтобы он не был таким грустным! О, я очень страдаю.

Прощай, милый мой друг. Напиши мне все же свое мнение.

*Из *** 19 августа 17...*

¹⁶ Письма, где говорится об этом вечере, разыскать не удалось. Есть основания полагать, что речь идет о вечере, предложенном в письме госпожи де Мертей, – о нем упоминалось и в предыдущем послании к Сесили Воланж.

Письмо 17

От кавалера Дансени к Сесили Воланж

Прежде чем предаться, мадемуазель, – не знаю уж как сказать: радости или необходимости писать вам, – я хочу умолять вас выслушать меня. Я сознаю, что нуждаюсь в снисхождении, раз осмеливаюсь открыть вам свои чувства. Если бы я стремился лишь оправдать их, снисхождение было бы мне не нужно. Что же я, в сущности, собираюсь сделать, как не показать вам деяние ваших же рук? И что еще могу я сказать вам, кроме того, что уже сказали мои взгляды, мое смущение, все мое поведение и даже молчание? И почему бы стали вы на меня гневаться из-за чувства, вами же самую внушенного? Истоки его в вас, и, значит, оно достойно быть вам открытым. И если оно пламенно, как моя душа, то и чисто, как ваша. Разве совершает преступление тот, кто сумел оценить вашу прелестную наружность, ваши обольстительные дарования, ваше покоряющее изящество и, наконец, трогательную невинность, делающую ни с чем не сравнимыми качества, и без того столь драгоценные? Нет, конечно. Но, даже не зная за собой вины, можно быть несчастным, и такова участь, ожидающая меня, если вы отвергнете мое признание. Оно – первое, на которое решилось мое сердце. Не будь вас, я был бы если не счастлив, то спокоен. Но я вас увидел. Покой оставил меня, а в счастье я не уверен. Вас, однако, удивляет моя грусть; вы спрашиваете меня о причине ее, и порою даже мне казалось, что она вас огорчает. Ах, скажите одно только слово, и вы станете творцом моего счастья. Но прежде чем произнести что бы то ни было, подумайте, что и сделать меня окончательно несчастным тоже может одно лишь слово. Так будьте же судьей моей судьбы. От вас зависит, стану ли я навеки счастлив или несчастлив. Каким более дорогим для меня рукам мог бы я вручить дело, столь важное?

Кончаю тем, с чего начал: умоляю о снисхождении. Я просил вас выслушать меня. Осмелюсь на большее: прошу об ответе. Отказать в этом значило бы внушить мне мысль, что вы оскорблены, а сердце мое порука в том, что уважение к вам так же сильно во мне, как и любовь.

P.S. Для ответа вы можете воспользоваться тем же способом, которым я направил вам это письмо: он представляется мне и верным и удобным.

*Из ***, 18 августа 17...*

Письмо 18

От Сесили Воланж к Софи Карне

Как, Софи, ты заранее осуждаешь то, что я собираюсь сделать? У меня и без того было довольно волнений – ты их еще умножаешь! Очевидно, говоришь ты, что я не должна отвечать. Легко тебе говорить, особенно когда ты не знаешь, что сейчас происходит: тебя здесь нет, и видеть ты ничего не можешь. Я уверена, что на моем месте ты поступила бы так же, как я. Конечно, вообще-то отвечать в таких случаях не следует, и по моему вчерашнему письму ты могла убедиться, что я и не хотела этого делать. Но вся суть в том, что, по-видимому, никто еще никогда не находился в таком положении, как я.

И ко всему я еще вынуждена одна принимать решение! Госпожа де Мертей, которую я рассчитывала увидеть, вчера вечером не приехала. Все идет как-то наперекор мне; ведь это благодаря ей я с ним познакомилась. Почти всегда мы с ним виделись и разговаривали при ней. Не то чтобы я на это сетовала, но вот теперь, в трудный момент, она оставляет меня одну. О, меня и впрямь можно пожалеть!

Представь себе, что вчера он явился, как обычно. Я была в таком смятении, что не решилась на него взглянуть. Он не мог заговорить со мной об этом, так как мама находилась тут же. Я так и думала, что он будет огорчен, когда увидит, что я ему не написала. Я просто не знала, как мне себя вести. Через минуту он спросил, не пойти ли ему за арфой. Сердце у меня так колотилось, что единственное, на что я оказалась способной, это вымолвить: «Да!» Когда он вернулся, стало еще хуже. Я лишь мельком взглянула на него, он же на меня не смотрел, но вид у него был такой, что можно было подумать – он заболел. Я ужасно страдала. Он принялся настраивать арфу, а потом, передавая мне ее, сказал: «Ах, мадемуазель!...» Он произнес лишь два эти слова, но таким тоном, что я была потрясена. Я стала перебирать струны, сама не зная, что делаю. Мама спросила, будем ли мы петь. Он отказался, объяснив, что неважно себя чувствует. У меня же никаких извинений не было, и мне пришлось петь. Как хотела бы я никогда не иметь голоса! Я нарочно выбрала арию, которой еще не разучивала, так как была уверена, что все равно ничего не спою как следует и сразу станет видно, что со мной творится неладное. К счастью, приехали гости, и, едва заслышав, как во двор въезжает карета, я прекратила петь и попросила унести арфу. Я очень боялась, чтобы он тотчас не ушел, но он возвратился.

Пока мама и ее гостя беседовали, мне захотелось взглянуть на него еще разок. Глаза наши встретились, и отвести мои у меня не хватило сил. Через минуту я увидела, как у него полились слезы и он вынужден был отвернуться, чтобы этого не обнаружить. Тут уж я не смогла выдержать, я почувствовала, что сама расплачусь. Я вышла и нацарапала карандашом на клочке бумаги: «Не грустите же так, прошу вас. Обещаю вам ответить». Уж, наверно, ты не сможешь сказать, что это дурно, и, кроме того, я уж не могла с собой совладать. Я засунула бумажку между струнами арфы так же, как было засунуто его письмо, и вернулась в гостиную. Мне сделалось как-то спокойнее, но я дожидаться не могла, пока уедет гостя. К счастью, она явилась к маме с коротким визитом и потому вскоре уехала. Как только она вышла, я сказала, что хочу поиграть на арфе, и попросила, чтоб он ее принес. По выражению его лица я поняла, что он ни о чем не догадывается. Но по возвращении – о, как он был доволен! Ставя напротив меня арфу, он сделал так, что мама не могла видеть его движений, взял мою руку и сжал ее... но как! Это длилось лишь одно мгновение, но я не могу тебе передать, как мне стало приятно. Однако я тотчас же отдернула руку, поэтому мне не в чем себя упрекнуть! Теперь, милый мой друг, ты сама видишь, что я не могу не написать ему, раз обещала. И потом, я не стану больше

причинять ему огорчений; я страдаю от них даже сильнее, чем он сам. Если бы из этого могло произойти что-нибудь дурное, я бы уж ни за что не стала этого делать. Но что тут худого – написать письмо, особенно для того, чтобы кто-нибудь не страдал? Смущает меня, правда, что я не сумею хорошо написать, но он почувствует, что вины моей тут нет, и потом я уверена, что раз оно будет от меня, так он все равно обрадуется.

Прощай, дорогой друг. Если ты найдешь, что я не права, скажи мне прямо. Но я этого не думаю. Подходит время писать ему, и сердце у меня так бьется, что трудно представить. Но написать надо, раз я обещала. Прощай.

*Из ***, 20 августа 17...*

Письмо 19

От Сесили Воланж к кавалеру Дансени

Вчера, сударь, вы были так печальны, и это меня так огорчало, что я не выдержала и обещала вам ответить на письмо, которое вы мне написали. Я и сейчас чувствую, что этого не следует делать. Но я обещала и не хочу изменить своему слову. Пусть это докажет вам, что я питаю к вам самые добрые чувства. Теперь вы это знаете и, я надеюсь, не станете больше просить у меня писем! Надеюсь также, вы никому не расскажете, что я вам написала. Ведь меня, наверно, осудили бы, и это доставило бы мне много неприятностей. В особенности надеюсь, что вы сами не станете думать обо мне плохо, что было бы для меня тяжелее всего. Смею также уверить вас, что никому другому я бы такой любезности не оказала. Я бы очень хотела, чтобы и вы, в свою очередь, ответили мне любезностью – перестали бы грустить, как в последнее время; это портит мне всякое удовольствие видеть вас. Вы видите, сударь, что я говорю с вами вполне искренне. Я буду очень рада, если наша дружба никогда не прервется, но прошу вас – не пишите мне больше.

Имею честь...

Сесиль Воланж.

*Из ***, 20 августа 17...*

Письмо 20

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Ах, негодник, вы льстите мне из страха, как бы я не стала над вами насмехаться! Ладно, сменю гнев на милость. Вы мне написали столько безрассудных вещей, что приходится простить вам скромность, в которой вас держит ваша президентша. Не думаю, чтобы мой кавалер проявил такую же снисходительность. Мне кажется, он не такой человек, чтобы одобрить возобновление нашего с вами договора и найти вашу безумную мысль забавной. Я, однако, вволю посмеялась над нею, и мне было очень жаль, что приходится смеяться в одиночестве. Если бы вы были здесь, право, не знаю, куда бы завела меня эта веселость. Но у меня было время поразмыслить, и я вооружилась строгостью. Это не значит, что я отказываю навсегда, но я считаю нужным повременить, и совершенно права. Сейчас меня, пожалуй, одолело бы тщеславие, и в увлечении игрой я бы зашла слишком далеко. Я ведь такая женщина, что снова привязала бы вас к себе, и вы, чего доброго, забыли бы свою президентшу. А какой это был бы скандал, если бы я, недостойная, отвратила вас от добродетели! Во избежание этой опасности – вот мои условия. Как только вы овладеете вашей богомольной красавицей и сможете представить какое-нибудь тому доказательство, приезжайте – и я ваша. Но вам хорошо известно, что в серьезных делах принимаются лишь письменные доказательства. В таком случае, с одной стороны, я окажусь для вас наградой, вместо того чтобы служить утешением, а это мне куда приятнее. С другой стороны, успех ваш будет гораздо острее на вкус, ибо сам явится поводом для неверности. Так приезжайте же, привезите мне как можно скорее залог вашего торжества, подобно нашим храбрым рыцарям, которые клали к ногам своих дам блестящие плоды воинских побед. Говорю не шутя, мне было бы любопытно знать, что может написать недотрога после такой оказии и в какой покров облекает она свои речи после того, как совлекла все покровы с самой себя. Ваше дело рассчитать, не слишком ли дорого я себя ценю; но предупреждаю – никакой скидки не будет. А пока, дорогой мой виконт, примиритесь с тем, что я остаюсь верной своему кавалеру и забавляюсь, даря ему счастье, несмотря на то, что вас это слегка огорчает.

Тем не менее мне кажется, что, не будь я столь нравственной, сейчас у него объявился бы опасный соперник: маленькая Воланж. Я без ума от этой девочки – тут самая настоящая страсть. Или я ошибаюсь, или она сделается одной из самых заметных в обществе женщин. Я вижу, как развивается ее сердечко, и зрелище это – просто восхитительно. Она уже исступленно влюблена в своего Дансени, но еще понятия об этом не имеет. Он сам, хоть и сильно влюблен, – еще робкий юнец, и не осмеливается многому ее учить. Оба они меня обожают. Особенно малютка – ей ужасно хочется поверить мне свою тайну. В последние дни я замечаю, что она просто подавлена, и я оказала бы ей величайшую услугу, если бы немного помогла. Но я не забываю, что это еще ребенок, и не хочу себя компрометировать. Дансени говорил со мною несколько определеннее, но насчет него я твердо решила: я не хочу его выслушивать. Что касается малютки, меня часто берет искушение сделать ее своей ученицей. Хотелось бы оказать Жеркуру эту услугу. Но время у меня есть: он будет на Корсике до октября. Я рассчитываю воспользоваться этим сроком, и мы вручим ему вполне сформировавшуюся женщину вместо невинной пансионерки. Какая поистине наглая самоуверенность у этого человека: он осмеливается спокойно спать, когда женщина, имеющая основание жаловаться на него, еще не отомщена! Скажу откровенно: если бы малютка находилась в настоящую минуту здесь, чего только я бы ей не порассказала!

Прощайте, виконт, желаю вам доброго вечера и славных успехов, но, ради бога, продвигайтесь вперед! Подумайте, что, если эта женщина не будет принадлежать вам, другие станут стыдиться того, что вы когда-то принадлежали им.

Письмо 21

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Наконец-то, прелестный друг мой, сделал я шаг вперед, и значительный шаг. Хотя он и не привел меня к цели, но, по крайней мере, помог мне уяснить, что я на верном пути, и рассеял чуть было не охватившие меня опасения, что я заблудился. Я, наконец, объяснился в любви, и хотя ответом мне было упорное молчание, я все же добился и другого ответа, быть может, наименее двусмысленного и самого лестного. Но не будем упреждать события и вернемся назад. Вы помните, что за мной начали слежку. Так вот, я решил обратить этот позорный прием на общее благо и поступил следующим образом. Я поручил одному доверенному лицу найти в окрестностях какого-нибудь несчастного, нуждающегося в помощи. Выполнить это поручение было нетрудно. Вчера днем мой доверенный доложил мне, что сегодня утром должны описать всю подвижность целой семьи, которая не в состоянии уплатить податей. Я постарался убедить, что в этом доме нет ни одной девушки или женщины, чей возраст или внешность могли бы сделать мое поведение подозрительным, и, когда все сведения были собраны, объявил за ужином, что завтра иду на охоту. Тут приходится отдать должное моей президентше. Отданное ею распоряжение следить за мной, видимо, вызвало у нее угрызения совести, и, не будучи в силах сдержать свое любопытство, она все же нашла силы воспротивиться моему желанию: завтра-де ожидается невыносимая жара, я рискую заболеть, ничего не убью и только зря утомлюсь. И во время нашего диалога глаза ее, говорившие яснее, быть может, чем она желала, дали мне понять, что она хочет, чтобы все эти полезные доводы я счел основательными. Как вы сами понимаете, я и не подумал с ней согласиться, устояв даже перед небольшим выпадом против охоты и охотников, а также перед легким облачком досады, омрачавшим весь вечер это небесное чело. Сперва я даже опасался, как бы она не отменила своего распоряжения и как бы ее деликатность не испортила мне дела. Но я просто недооценил силу женского любопытства и потому ошибся. В тот же вечер мой егерь успокоил меня на этот счет, и я улегся вполне удовлетворенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.